„КОМСОМОЛЕЦ ДОНБАССА"
г. ДОНЕЦК

В МУЗЫКЕ — ОБЛИК СОВРЕМЕННИКА

Этюды о композиторах

Как себя чувствует композитор перед авторским концертом? Волнуется, конечно, суетится, кажется, еще бы один день, еще часа два каких-то лишних — и все стало бы на свои места. Немного не по себе в черном торжественном костюме, галстуке ленточкой, завязанном с продуманной небрежностью. Но афиша висит уже на видном месте, и программки отпечатаны в типографии, собираются исполнители, выстраивается на сцене хор, и слушатели стягиваются потихоньку в зал.

Слышатся нетерпеливые хлопки, и вот уже звучит тихая, но властная команда: «занавес!». Началось.

Хор Донецкого музыкального училища поет его, Евгения Милки, новую песню. Песня называется «Ленин», написана на стихи Сулеймана Рустама. В ней — восхищение гением человека, сумевшего совершить титанический труд, расчистить народу путь к счастью; в ней — взволнованный рассказ о торжестве ленинских идей, о созидании величественного здания коммунизма. Такие чувства владели Рустамом, когда он писал свои стихи, а Евгений постарался усилить их, придать им еще большую приподнятость, и кажется, ему это удалось.

Вторая песня, которую исполняет хор — «Зыбучие пески» на стихи Жака Превера. Для студенческого хора, Евгений понимает это, произведение сложное. Немало пришлось поработать руководителю коллектива, заслуженному работнику культуры УССР Эммануилу Белявскому, концертмейстеру Галине Кувайцевой, самому композитору (он ведет здесь партию контрабаса), и студенты с задачей справились.

Молодой композитор (авторский вечер состоялся накануне его 30-летия) много пишет для самых разных музыкальных инструментов, ансамблей, вокалистов. В этом камерном концерте звучали романсы, фортепьянные пьесы, скрипка, флейта, гитара. И конечно, контрабас, инструмент, с которого начался его путь в музыку.

Музыкой в семье занимался старший брат Виктор, играл на фортепиано. Девятилетний Женя выбрал для себя контрабас. Почему? Потому что, как он объясняет, это по-настоящему мужской инструмент с густым, сочным звуком. Контрабас дал возможность почти сразу же войти в оркестр, а оркестр с его коллективным творчеством многое дает начинающему музыканту. Еще в школе Женя начал писать музыку. И потом, в Киевской консерватории, занимался одновременно по двум классам — композиции у А. Я. Штогаренко и контрабаса у Б. В. Сойко. В консерватории же использовал все возможности, чтобы серьезно овладеть фортепиано.

Свою сочинительскую работу Евгений не представляет без поездок по родному краю, встреч с людьми разных судеб и характеров. Он был участником не одной фольклорной экспедиции: на Западную Украину, в Закарпатье, Ставропольский край, Чехословакию. Как композитору, ему близки ритмы и интонации западнославянского фольклора — украинского, словацкого, моравского. При этом Милка, как правило, не цитирует материал, а старается осмыслить его по-своему: оттолкнувшись от национального колорита, передать чувства и мысли современного человека средствами сегодняшней композиторской техники.

Произведения Е. Милки в большинстве своем сложные. Для того, чтобы понять и осмыслить их, нужна определенная музыкальная подготовка. Хорошо это или плохо? Вот что думает по этому поводу сам молодой композитор:

— К музыке я отношусь серьезно. И не хочу идти по инерции, искусственно упрощая то, что сложилось так, а не иначе. С другой стороны, мне интересно серьезно поработать в более демократическом жанре. Есть у меня вокальный цикл «Взрослые — детям». Сейчас чувствую потребность создать песни на гражданскую тематику. И очевидно, в скором времени такие песни появятся.

— Кого из музыкантов прошлого, нашего времени вы считаете своими учителями?

— Любимый композитор у меня не один. И от каждого я стараюсь взять то, что ближе мне по духу. В области формы главный мой воспитатель Бетховен. У Баха хочу научиться искусству владения полифонией, у Шостаковича — построению тембровой драматургии произведения, умению расставлять акценты. Покоряет экспрессивность, эмоциональность Скрябина. А в искусстве владения оркестром мой наставник — Рихард Штраус.

— Как вы относитесь к переложению на музыку стихотворных произведений? Что прежде всего ищете для себя в стихах?

— Я считаю, что не каждое стихотворение может стать песней, романсом. Есть стихи, которым музыка просто не нужна, настолько они сами говорят за себя. Музыка пишется для того, чтобы усилить интонации, обострить чувства, вызванные стихотворением, помочь глубже проникнуть в его содержание. Композитор должен попасть в ту же точку, что и поэт, только тогда получится что-то новое, по-настоящему волнующее, а не картинка из альбома для раскрашивания. Ну и, разумеется, каждый композитор ищет в стихах созвучное своим чувствам, настроениям. Схожее с моим осмысление образа Ленина я нашел именно у Сулеймана Рустама. Без стихотворения Превера не было бы моих «Зыбучих песков». Привлекает творчество Маргариты Алигер, Федерико Гарсиа Лорки, Шарля Бодлера.

...Как себя чувствует композитор на следующий день после авторского вечера, когда свернуты афиши, концертный костюм заменен привычным деловым, и только цветы, для которых в доме не хватило ваз, напоминают о вчерашнем празднике?

Прежде всего ему некогда. Ждут студенты музучилища, которым Евгений Милка преподает полифонию, гармонию, инструментовку. Продолжается общественная работа в Донецком отделении Союза композиторов Украины. Требуют времени теоретические исследования (недавно в издательстве «Музична Україна» вышло методическое пособие по сольфеджио, написанное Е. Милкой в соавторстве с его коллегой по училищу М. Шевченко, и очевидно, это не последняя его работа).

А главное, не прекращается творческий процесс. Недавно написан концерт для контрабаса с оркестром, рождаются новые идеи, подбираются инструменты, краски для их воплощения. Путь в искусстве не может быть гладким, на нем неизбежны ошибки, просчеты, горячность молодости, самонеудовлетворенность. Но важно то, что композитор ищет свои, непохожие на другие, музыкальные образы, стиль, язык. В нем живет стремление воплотить в музыке образ нашего современника — человека мысли и действия, в котором спорят между собой и сочетаются строгая логичность с эмоциональностью самого высокого накала.

Н. САГАНЬ.